

былъ переменный, что этотъ переменный воанизмъ суффикса вѣрно сохранился въ древне-индійскомъ языкѣ, но (черезъ обобщеніе особенностей т. н. сильныхъ формъ) уоднообразился или почти уоднообразился въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ. Противъ мысли Streitberg'a ничего возразить нельзя.

Теперь примемъ въ соображеніе, что въ праславянскомъ языкѣ періода распадёнія формы Sg. N. Masc. и Sg. N. Neutr. причастій Act. Prs. не различались: *berŭ* и *berŭ*, *znāċē* и *znāċē*. Очевидно, одна изъ двухъ первоначально различныхъ формъ получила, въ силу тѣхъ или иныхъ синтактическихъ особенностей употребленія причастій, обобщеніе за счетъ другой (ср. латинск.?). Какая же изъ двухъ: Sg. N. Masc. или Sg. N. Neutr.? Что *berŭ* по происхожденію есть Sg. N. Masc., не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ *ŭ* можетъ восходить только къ *-on(t)s*, но не къ *-nt*. Но что *znāċē* по происхожденію есть Sg. N. Masc., сомнѣваться можно, такъ какъ *-ē* можно возводить и къ *-nt*.

Признаемъ, что *znāċē* по происхожденію есть Sg. N. Neutr. и восходить къ *gnōjnt*.

§ 8. Слѣдствія:

1) Отводя въ сторону *znāċē*, надо разсматривать сѣверное *-jĥ* какъ фонетическій эквивалентъ южнаго *-jē* и говорить уже не о соответствіи *-jōns-jāns > -jē*, а о соответствіи *-jōns -jāns > -jē* (югъ) || *-jĥ* (сѣверъ).

2) Отводя въ сторону *znāċē*, приходится утвержденіе этого соответствія подпирать не четырьмя, а только тремя случаями. Больше того — только двумя, такъ какъ *koŋē* || *koŋĥ* не можетъ уйти отъ подозрѣнія, что возникло на почвѣ отношенія *gŏky: zemjē* || *zemjĥ = vozŭ: x*.

§ 9. Мы не признаемъ соответствія *-jōns -jāns > -jē* || *-jĥ* и атаку на твердыню общепризнаваемаго положенія ведемъ въ двухъ направленіяхъ.

1) Мы пытаемся показать, что во всѣхъ трехъ (двухъ) нашихъ случаяхъ *-jē* || *-jĥ* восходитъ не къ *-jōns -jāns*, а къ *-jēns*.

2) Мы пытаемся показать, что въ одномъ другомъ случаѣ изъ *-jōns -jāns* получается *-jī*.

§ 10. Не секретъ, что въ праиндоевропейскомъ языкѣ имѣлись не